

Октябрьские события 2026 г. в Азербайджане: религиозный фактор и внешнеполитическое давление

Комментарий Центра АРВАК, 19.10.2026

Аннотация

АРВАК анализирует масштабные протесты среди верующих мусульман в Азербайджане в октябре 2026 г., вызванные введением запрета на ношение хиджабов и платков в учебных заведениях. Подробно рассматриваются 3 ключевые гипотезы происхождения кризиса: стихийный социальный протест на фоне системных социально-экономических проблем, проявление внешнего вмешательства («иранский след») и версия о намеренной провокации со стороны руководства АзР с целью легитимации участия страны в антииранской кампании на фоне усиливающегося давления со стороны стран Запада.

Ключевые слова: *Азербайджан, протесты, хиджаб, школьная форма, исламский фактор, Иран, Турция, геополитика, социальное недовольство, внешнее давление.*

1. Октябрьские волнения 2026 г. в Азербайджане: хроника и масштабы

В октябре 2026 г. в Азербайджане вспыхнули масштабные акции протеста среди верующих мусульман, в отдельных случаях переросшие в беспорядки. Поводом для волнений послужило постановление Кабинета министров АзР от 21.09.2026, утвердившее обновленные требования к школьной форме. Документ установил запрет на ношение предметов одежды, «противоречащих принципу светского образования», что на практике привело к ограничению использования хиджабов и головных платков как среди учениц, так и среди преподавательского состава.

Согласно информации из азербайджанских источников, волнения затронули главным образом столицу, Апшеронский полуостров и близлежащие населенные пункты к западу и юго-западу от Баку, включая Сабунчинский, Гарадагский и Ясамальский районы. Вместе с тем массовые акции и беспорядки были зафиксированы и за пределами столичного региона – в частности, в Джалилабадском районе, а также в других крупных городах и административных центрах республики, таких как Гянджа и Сумгаит.

Волна общественного недовольства сформировалась в конце сентября 2026 г., когда школьное руководство, исполняя правительственные директивы, приступило к отстранению от учебного процесса учениц и педагогов, носящих хиджабы и платки. Реакцией родителей и учащихся стали локальные протестные акции и бойкоты. К началу октября эскалация привела к жестким столкновениям и отдельным эпизодам массовых беспорядков, сопровождавшимся попытками поджогов учебных заведений, а также имущества их руководителей. Наибольшей остроты эти события достигли 10 октября.

Уже 12-13 октября 2026 г. республиканским властям и правоохранительным органам удалось снизить интенсивность и размах волнений за счет применения силовой репрессивной практики и волны задержаний. Согласно данным азербайджанских проправительственных медиа, силовики арестовали около 40 участников и предполагаемых «организаторов» протестов. При жесткой вертикали власти в Азербайджане и бескомпромиссном подходе к подавлению согласованных общественных актов неповиновения масштабы уголовного преследования могли оказаться существенно шире. Однако сдерживающим фактором стало то, что основную массу участников беспорядков составляли школьники, массовые аресты и суровое наказание которых повлекли бы неприемлемые издержки для официального Баку.

В настоящее время и власти, и протестующие граждане Азербайджана взяли паузу, а, по некоторым данным, учебный процесс в школах республики пока не вернулся в нормальное русло. Руководство учебных заведений совместно с правоохранителями сосредоточено в основном на выяснении на местах обстоятельств случившегося, а также на выявлении организаторов и координаторов беспорядков, тогда как значительная часть учеников не посещает занятия. Правительство же пока не дает исчерпывающего ответа на вопрос о том, будут ли бескомпромиссно действовать новые правила и каким образом оно собирается разрешить возникший кризис.

2. Гипотеза 1. Социально-экономический кризис и рост роли исламского фактора

Экспертные оценки недавних событий в Азербайджане разделились, однако преобладают две основные гипотезы, объясняющие истоки массовых протестов против школьного дресс-кода. Первый подход рассматривает волнения как низовую и спонтанную реакцию общества, лишенную как изначальной политической подоплеки, так и внешнего вмешательства. В рамках этой трактовки ожесточенность протестов и масштабность бойкота обусловлены острым социальным неблагополучием и глубоким кризисом идентичности. Население страны все устойчивее связывает растущую социальную несправедливость и чиновничий произвол с официальным секуляризмом, насаждаемым режимом Алиевых. Общество теряет веру в способность выстроенной светской модели решить накопившиеся проблемы и преодолеть падение моральных ориентиров, которое ассоциируется с правящей верхушкой и прослойкой, обогащающейся за счет национальных ресурсов. На этом фоне исламская идеология начинает восприниматься как оплот традиционной морали и наиболее действенный механизм переустройства государства на принципах справедливости и правопорядка.

Общественность Азербайджана более не в состоянии игнорировать тот факт, что окончательное силовое урегулирование Карабахского конфликта так и не привело к снятию внутренней напряженности в стране. На протяжении многих десятилетий правящий клан Алиевых оправдывал существующие социальные невзгоды и неблагоприятный морально-психологический климат именно незавершенностью этого противостояния. Однако ключевые вызовы – глубокая бедность, подавление инакомыслия и гражданских свобод, а также системная коррупция огромных масштабов – по-прежнему сохраняются, не демонстрируя признаков преодоления. При этом наиболее благоприятное окно возможностей для глубоких преобразований, совпавшее с периодом максимальных объемов добычи и экспорта углеводородов, уже упущено.

Растущий разрыв между внушительными экономическими возможностями государства и ничтожно малой долей доходов от продажи *«национального достояния»*, доходящей до широких слоев населения, стал одним из главных катализаторов усиления религиозных настроений. Возрастающая роль исламского фактора в общественно-политической жизни естественным образом превратилась в прямую угрозу для действующей власти, побудив режим задействовать жесткий репрессивный аппарат для ограничения свободы вероисповедания в стране.

Следует подчеркнуть, что массовые антиправительственные акции на религиозной почве как проявление социального протеста неоднократно происходили в республике и

нередко выливались в кровопролитные столкновения. Так, волнения 2010–2011 гг. в Азербайджане были спровоцированы аналогичным намерением властей ввести запрет на ношение хиджабов в образовательных учреждениях. К общественному бойкоту тогда присоединилась Исламская партия Азербайджана (ИПА), возложившая на режим Алиева ответственность за коррупцию и ущемление прав верующих. В результате лидер ИПА Мовсум Самедов вместе с соратниками были задержаны и преданы суду по обвинению «в попытке насильственного захвата власти».

Аналогичным образом осенью 2015 г. события в пригородном бакинском поселке Нардаран переросли в открытые беспорядки, поводом для которых вновь послужили законодательные ограничения на ношение исламской символики в школах и государственных учреждениях. Население Нардарана и соседних поселений Апшерона традиционно придерживается шиитских религиозных устоев, поддерживает тесные связи с Ираном и настроено оппозиционно по отношению к жестко секулярному курсу руководства страны. Тем не менее экспертное сообщество считает фундаментальным катализатором тех волнений острый социальный кризис: отсутствие базовой инфраструктуры и систематические сбои в снабжении газом, водой и электроэнергией. Власти ответили жесткой силовой акцией, унесшей жизни 7 человек – как сотрудников силовых структур, так и протестующих. В ходе проведенной спецоперации аресту и последующим суровым тюремным срокам подверглись участники нарданского движения «Мусульманский союз», в том числе его руководитель, шиитский теолог Талех Багирзаде.

Массовые беспорядки охватили Гянджу в июле 2018 г. Полицейские силы жестко подавили протесты, проведя облавы в местах собраний и в домах представителей местной шиитской общины. Несколько человек погибли во время задержаний (по версии властей – при оказании сопротивления), а десятки шиитов были арестованы. Им предъявили обвинения в попытке госпереворота с целью насильственного свержения законной власти и создания в Азербайджане шариатского государства.

Непосредственной причиной кровопролитного столкновения, унесшего жизни в том числе двух высокопоставленных офицеров полиции, стало покушение гражданина Юниса Сафарова на главу исполнительной власти (мэра) Гянджи Эльмара Велиева. Официальные власти расценили действия Сафарова как теракт, совершенный на почве религиозного экстремизма. Однако независимые азербайджанские СМИ и местные жители утверждали, что нападение являлось актом личной мести, спровоцированным повальной коррупцией и «грубым, деспотичным отношением мэра к горожанам».

Специалисты, разделяющие гипотезу о спонтанной природе недавних событий в Азербайджане, подчеркивают выраженную социальную подоплеку протестов, сближающую их с прошлыми волнениями в стране. С их точки зрения, волна недовольства, вызванная запретом на ношение хиджаба, представляет собой не столько чисто религиозный бунт, сколько форму социально-политического демарша против действующего режима. В условиях, когда активными усилиями правящего клана в республике была практически полностью подавлена организованная оппозиционная платформа, граждане, доведенные до отчаяния снижением уровня жизни, экономическим спадом и системной коррупцией, вынуждены выражать свой протест через призму борьбы за свободу совести и вероисповедания.

3. Гипотеза 2. Внешнее вмешательство и «иранский след»

Согласно другой распространенной трактовке, недавние резонансные события могли быть спровоцированы внешним воздействием, прежде всего – иранским фактором. Данная точка зрения доминирует в азербайджанском проправительственном медиасегменте и активно продвигается общественно-политическими силами, опирающимися на принципы тюркоцентризма и противодействия иранскому «*державному ревизионизму*» и шиитскому фундаментализму.

Главным аргументом сторонников данной версии служит локализация наибольшей протестной активности. Наиболее острые акции гражданского неповиновения и беспорядки развернулись в районах, население которых исторически связано с Ираном этническими корнями и общностью религиозных традиций:

- **Баку и Апшеронский полуостров.** Существенную часть местного населения здесь составляют таты – ираноязычный этнос, представители которого отличаются высокой степенью религиозности. Несмотря на административные барьеры со стороны официального Баку, они сохраняют тесные духовные связи с аятоллами Ирана и Ирака, ориентируясь на их богословские школы.

- **Джалилабадский район.** Этот приграничный с Ираном регион стал ареной самых масштабных выступлений среди учащихся школ. Преобладающие здесь ираноязычные талыши также глубоко религиозны, традиционно находятся в оппозиции к государственным властям и не признают авторитет официального Духовного управления мусульман Кавказа (ДУМК), которое возглавляет шейх-уль-ислам Аллахшукюр Пашазаде (этнический талыш).

География протестов позволяет некоторым экспертам предполагать высокую вероятность наличия «*иранского следа*» в октябрьских событиях, о чем также недвусмысленно заявляют многие проправительственные азербайджанские СМИ. Официальный Баку всегда считал «*проиранские*» шиитские религиозные группы среди татов и талышей неблагонадежными элементами, а сами эти народности – потенциальными проводниками влияния Тегерана на внутривнутриполитические процессы в Азербайджане. После разрешения элитами дилеммы цивилизационной, идеологической и геополитической ориентации постсоветского Азербайджана в пользу тюркского национализма и сближения с Турцией, иранский фактор стал ослабевать в республике, несмотря на историческую, культурную и религиозную принадлежность ее населения к коду иранской исламской цивилизации. После же установления тесных отношений АзР с Израилем иранский фактор начал подвергаться окончательной маргинализации, параллельно вскрывая острые углы противоречий между Баку и Тегераном.

Официальный Баку традиционно рассматривал любые шиитские общины страны, деятельность которых выходила за рамки государственной религиозной политики, как потенциальные «*очаги*» антисветских настроений, сепаратизма и религиозного экстремизма. Власти республики утверждают, что подобные тенденции экспортируются из Ирана, выдвигая эти обвинения в ответ на претензии Тегерана относительно попыток Азербайджана раскачать ситуацию в тюркоязычных провинциях Ирана.

Эксперты (преимущественно из Израиля, США и других стран Запада), отстаивающие теорию «*иранского следа*» в недавних событиях, указывают на наличие

у Тегерана достаточных ресурсов для провоцирования религиозных волнений в Азербайджане. По их мнению, иранская сторона могла пойти на подобный шаг в условиях растущей напряженности на Ближнем Востоке, расценивая его как превентивную меру. Опасаясь масштабной эскалации, вероятными инициаторами которой могут выступать Вашингтон и Тель-Авив, а также потенциального подключения к ней Баку, Иран пытается дать азербайджанскому руководству четкий сигнал о недопустимости его втягивания в новую «*антииранскую авантюру*».

Учитывая всплеск массовых акций и жесткие заявления иранских религиозных и политических деятелей с угрозами в адрес Баку, данная гипотеза представляется вполне обоснованной. Тегеран, по-видимому, заранее предупреждает азербайджанские власти: если АзР окажется втянутой в новый военный конфликт или предоставит свою территорию для ударов по ИРИ, ответные меры Тегерана не ограничатся прямым военным ударом, но и включают задействование механизмов внутреннего гражданского противостояния в самом Азербайджане.

Тем не менее существует ключевой нюанс, упускаемый из виду либо осознанно игнорируемый рядом аналитиков. Это обстоятельство заставляет расценивать концепцию решающего внешнего вмешательства как элемент информационной кампании, продвигаемой Баку и оппонентами Ирана. Главным фактором выступает непосредственный триггер кризиса: постановление от 21.09.2026 г. о запрете платков и хиджабов исходило от самого азербайджанского руководства. Поскольку Тегеран не мог ни спровоцировать принятие этого акта, ни заранее предвидеть его, прямой ответственности за начало протестной волны он не несет. Роль иранской стороны могла сводиться лишь к последующему содействию в координации и структурировании акций прямого действия в ответ на действия властей АзР.

С учетом приведенных обстоятельств становится актуальным логичный вопрос: какими причинами руководствовалось азербайджанское правительство, принимая столь опасное и заведомо непопулярное решение, способное вызывать всплеск общественного недовольства именно в данный момент? Сама по себе норма о «*школьном дресс-коде*» в Азербайджане не является новшеством. Подобный шаг впервые был предпринят еще осенью 2010 г., что спровоцировало массовые протесты верующих и поддержавших их граждан зимой 2010–2011 гг. В дальнейшем администрация многих образовательных учреждений соблюдала эти предписания лишь формально, в результате чего запрет фактически не действовал в большинстве школ. Официальный Баку предпочел закрывать на это глаза, опасаясь повторения волнений, аналогичных выступлениям 2010–2011 гг. и событиям в Нардаране в 2015 г.

Важным фактором, сдерживавшим активность властей в исполнении собственных указов, выступала и позиция Тегерана, оказывавшего политическое давление на Баку с требованиями прекратить принудительную секуляризацию учебных заведений. Было очевидно, что повторное включение темы запрета хиджабов в повестку дня неизбежно натолкнется на сопротивление религиозных кругов и широких слоев общества. Более того, руководству Азербайджана не могло не быть понятно, что в условиях актуальной региональной динамики и очередной эскалации вокруг Ирана подобный шаг существенно повышает риск внутренних волнений и дестабилизации. Тем не менее власти пошли на эту меру, которая полностью противоречит декларируемому И.

Алиевым курсу на нейтралитет и сдержанность в отношении противостояния между Ираном и американо-израильским альянсом.

4. Гипотеза 3. Управляемая эскалация и геополитический выбор Баку

Проведенный анализ указывает на существование третьей гипотезы, которую экспертное сообщество пока явно предпочитает не комментировать. Существует высокая вероятность того, что власти Азербайджана умышленно спровоцировали религиозные волнения. Основная цель этой провокации – возложить на Иран ответственность за дестабилизацию обстановки и вмешательство во внутренние дела республики, тем самым создав предлог для легитимации прямого участия Баку в антииранской военно-политической кампании.

Хотя точную степень вовлеченности Баку прогнозировать сложно, масштабы рисков, связанных с провоцированием религиозных протестов и их потенциальным слиянием с широким социально-политическим бунтом, указывают на то, что Азербайджану отводится ключевая роль в новом этапе геополитической эскалации против ИРИ. По всей видимости, руководство АЗР пошло на столь высокие внутренние и внешние риски вынужденно.

Примечательно, что одновременно с внутренними волнениями в республике серьезное обострение произошло и на европейском направлении азербайджанской внешней политики. В частности, можно выделить ряд негативных для Баку факторов:

- «Шпионский скандал» в Германии, затрагивающий интересы Азербайджана, который Центр АРВАК подробно разбирал в [комментарии](#) от 13.10.2026 («Дело Августа Ханнинга»: шпионский скандал в Германии и геополитические риски для Баку);
- Жесткая резолюция Европейского парламента от 08.10.2026, прямо квалифицирующая азербайджанское государство как авторитарный режим;
- Повторная актуализация в информационном пространстве сведений о международной сети сексуального рабства и торговли людьми, связываемой с семьей Алиевых и впервые обнародованной порталом *WikiLeaks* еще в 2019 г.

Учитывая практически полную синхронность вышеуказанных процессов, допустимо предположить, что правящий режим в Азербайджане столкнулся с беспрецедентным давлением со стороны Запада и антииранской коалиции, стремительно втягивающих Баку в прямое противостояние с Ираном. В сложившихся обстоятельствах И. Алиев идет на вынужденное обострение отношений с Тегераном: принятое правительством постановление подрывает перспективы устойчивости отношений с ИРИ и целенаправленно провоцирует южного соседа на ответную эскалацию.

В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что запрет на школьные хиджабы вызвал острую негативную реакцию как в Иране, так и в турецком политикуме и обществе. В Турции возобновились дискуссии о нецелесообразности курса на безусловную поддержку Баку, который, по мнению критиков, игнорирует содействие Анкары в «восстановлении территориальной целостности Азербайджана» и проводит самостоятельную региональную линию, ущемляющую турецкие национальные интересы. Подчеркнутое внимание турецкой стороны к «азербайджанскому дрейфу» в сторону Тель-Авива, наряду с выступлениями местных политических партий и общественных структур в защиту шиитского населения Азербайджана, указывает на стремление Анкары сформировать

предпосылки для дистанцирования от Баку и пересмотра своих обязательств в рамках Шуминской декларации от 15.06.2021 года.

Подобную стратегию Анкары можно объяснить предположением о том, что Баку под воздействием указанных силовых центров уже принял политическое решение о присоединении к антииранскому альянсу. При таком сценарии отсутствие искусственно сформированных ключевых противоречий с Баку вынудит Турцию, исходя из условий Шуминской декларации, быть втянутой в антииранскую акцию вслед за партнером. Тем не менее с большой степенью уверенности допустимо заявить, что на текущем этапе Турция к подобному шагу совершенно не расположена.